

Барбашов Владимир Петрович,
кандидат филологических наук,
Алтайский филиал РАНХиГС при Президенте РФ

**СОКРОВИЩНИЦА РУССКОГО ЯЗЫКА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.М. РОДИОНОВА (1945-2013)**

Родионов Александр Михайлович...Этот удивительный человек, личность, творец, подвижник дорог памяти каждого из нас по-своему...Вспоминаю далекий 1992 год, когда он только начинал свои знаменитые Дни славянской письменности и культуры на Алтае, и пришел к нам в школу, чтобы организовать творческий конкурс в рамках этого мероприятия. И у нас появилась возможность познакомиться и пообщаться с писателями Алтая, среди которых еще был легендарные Юдалевич, Панов и многие другие....

С особым теплом помню встречи с ним, общение, чаепитие, дискуссии на самые разные темы, касающиеся культурной жизни края и станы в целом. Уже страдая от тяжелого недуга, Александр Михайлович находил в себе силы заниматься любимым делом, которое он называл «одиноким»: он продолжал работать, писать, мыслить, искать. Как то обратился с просьбой найти колыванские вазы, которые согласно результатам его исследований, могли находиться в Германии. И мы вместе с ним писали запросы и переводили на немецкий язык.

А еще он запомнился тем, что у него был какой-то завораживающий, самобытный, и вместе с тем красивый в своей простоте язык. Например, как-то он подарил книгу, к которой он написал вступительное слово: «Эту я не могу тебе подписать, из моего здесь только этот *предбанничек*»...Вот оказывается, как ласково, по-домашнему, без официоза и красиво можно описать предисловие.

Конечно, Александр Михайлович Родионов известен землякам в Алтайском крае и широкой литературной общественности России как человек с поистине широким диапазоном творчества – поэт, писатель, автор художественных и документальных книг, исследователь народных ремесел, летописец. Поэтические сборники А.М. Родионова «Из биографии ручья», «Портрет реки», «Краснотал», «Начало поля», изданные им еще в 70-80-х годах, давно уже стали библиографическими раритетами.

В своих беседах с Александром Михайловичем я неоднократно упоминал об этих сборниках и осторожно интересовался, почему они не переиздаются. Но обратил внимание на то, что он неохотно говорил на эту тему. Можно только предполагать, что послужило причиной этому. Но если почитать его стихи, то мы, конечно, встретим здесь темы, близкие сердцу каждого из нас. Да и сам Родионов А.М. предстает здесь в разных ипостасях, например, ремесленником [4, с. 16]:

*Рублю избу. До снега мало дней.
Рублю как повелось – окном к востоку.
Перезимую я надежно в ней,
Чтобы весной продолжить путь к истокам.
Рублю избу – рассудок начеку:
Должны на мох ложиться плотно бревна.
Колю на кровлю длинную щепу –
Должна щепа свисать карнизом ровным.
Пуускай поет над желтой крышей дрозд,
Я о своем житье-бытье не горюсь.
Рублю избу. Дверь будет в полный рост –
Пусть человек войдет в избу не горбясь*

Военная тема также находит отражение в поэзии Родионова А.М.

*Любимая, не шли мне папирос.
Пришли мне курева забористой и горше.
Припоминаю – в огороде рос
У нас табак. Ты посади побольше.
Секи вокруг него любой сорняк
Пусть не мешает зряшная травинка.
Дай табаку, одним его корням
Взять злость и горечь бийского суглинка. [4, с. 26].*

Не обошла поэта стороной и пронзительная тема одиночества [4, с. 32]:

*Никому не нагрубил
И с друзьями не в разладе.
Дров наутро нарубил.
Посидел. Чайку **наладил**.
Позабыли? Не идут
Ни друзья и ни соседи.
Не один был соли пуд
Здесь с друзьями вместе съеден,
Много выпито вина,
Угол песней оглашался.
В чем же? Где твоя вина?
Ты ж со всеми соглашался.
А теперь один в избе.
Тупо смотришь на обои.
Не стучит никто к тебе.
Даже ветер листобойный.*

Неотъемлемой частью творческой жизни А.М. Родионова являлась его общественная деятельность. Он стал организатором первых празднований Дней славянской письменности и культуры на Алтае, президентом Алтайского центра Демидовского Фонда (1991-2001), членом президиума краевого общества охраны памятников истории и культуры, а с 1989 г. президентом Клуба любителей алтайской старины при Алтайской краевой универсальной научной библиотеке им. В. Я. Шишкова. В свое время А.М. Родионов выступил автором оригинального проекта «Летопись Барнаула», осуществленного группой историков. В Государственном архиве Алтайского края и Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В. Я. Шишкова до сих пор формируются личные фонды писателя, который оставил колоссальное творческое наследие.

Безусловно, одной из главных граней творчества А.М. Родионова является открытие для наших современников и потомков богатейшего мира народных ремесел, что нашло свое отражение в таких произведениях, как «Колывань камнерезная», «На крыльях ремесла», «Красная книга ремесел», за которые писатель неоднократно становился лауреатом различных премий.

Удивительном красивым, самобытным языком, которому в произведениях А.М. Родионова присуща особая образность, рассказывается о рудознатцах, чистодеревщиках, кузнецах, гончарах, вышивальщицах и ткачихах, камнерезах, об их бессмертном искусстве одушевлять тот или иной материал, будь то дерево, металл, глина или камень [3].

Ремесло в произведениях писателя играет роль своеобразного медиума в диалоге мастера и материала, с которым он работает. Читая книги А.М. Родионова о ремесленниках Алтая, получаешь поистине эстетическое наслаждение, воспринимая воплощенные им художественные образы. Читатель, действительно, обретает уникальную возможность, не отрываясь от книги, наблюдать, как мастер способен «оживить» материал, придать необходимые ему форму и содержание. И тогда в теле материала зарождается своя жизнь – словно человек на протяжении своего земного существования он обретает и меняет внешность, форму тела, голос, характер. Так, при описании внешнего облика срубленной избы в «Красной книге ремесел» А.М. Родионов подчеркивает не только неповторимость, уникальность этой красоты, но, прежде всего, ее естественность. Яркий тому пример встречается в главе «Чистодеревщики», когда автор повествует о своем путешествии по Уймону: *Малая удача привела меня к избе из трех звеньев. В среднем было прорублено маленькое окно, обрамленное простым наличником, и только «капельки» – небольшие ромбовидные окончания вертикальных досок – были его единственным украшением. Но нужны ли еще какие-то узоры, чтобы выделить окно, красивое уже само по себе и правильными пропорциями и простым обрамлением из красновато-желтых лиственничных досок с бронзово-багровыми островками сучков. Позже я убедился, что только лиственничные доски в многолетнем противоборстве с солнцем и ветрами приобретают такое богатство оттенков. **И не нужна лиственнице никакая малярная косметика** [3, с. 37].*

Стремление писателя подчеркнуть естественность и достоинство красоты резьбы не могло не отразить и его любовь к Барнаулу: *Люблю улицу Анатолия в*

*Барнауле. Она, как никакая другая в городе, населена старыми домами с деревянными и жестяными резными карнизами, с разнообразными фронтонами и балконами, украшенными **резьбой**, не крикливой, а **простой**, хранящей в себе **какое-то внутреннее достоинство** прошлого века [3, с. 144].*

Обличье дома, который рождался в гармонии с трудолюбием своего создателя, как правило, свидетельствует о высоком мастерстве народного умельца, который успел вовремя почувствовать ту самую грань, когда нужно окончательно отложить в сторону инструмент и с этого момента позволить дому начать свое собственное существование. Подтверждение этому можно встретить при описании А.М. Родионовым дома А.М. Колова в Казачке: *Дом его, стоящий чуть в глубине улицы, открывается из-за соседнего сразу, неожиданно. Взглянув на него, хочется рассмотреть подробнее. Особенно наличники. Не так часто современные резчики на Алтае работают технике рельефной резьбы. А верхние доски на наличниках Колова рельефны. Каждый острый лист, каждый лепесток стилизованный лилий и розеток выступает здесь из глубины доски. Так **весело играет гранями резьба** сейчас, когда дом полностью отстроен, отделан [3, с. 98].*

Повествуя о своей поездке в Мамонтово, писатель в одном из фрагментов, посвященных описанию тамошних наличников, показывает, как определенная, в целом незначительная деталь резьбы может скрасить и оживить внешний облик наличника: *В самый разгар весны я оказался в Мамонтове. В этом селе любят красить наличники белой и голубой краской, реже – зеленой и совсем редко, когда хочется хозяину особо обозначить то розетку, то желобок, то набивную рейку, тогда в спокойные цвета врывается красный. Но это о современных наличниках. Рядом с ними тот, что встретился мне на улице Партизанской, мог показаться **тяжелым и угрюмым** в своей естественной потемнелости, когда бы не **оживлявшая его маленькая резная фигурка**, по **силуэту напоминавшая женщину** в широкой колоколоподобной юбке, чуть в наклон стоящую на левом плече наличника [3, с. 46].*

В произведениях А.М. Родионова можно обнаружить и те фрагменты, в которых подчеркнута особая красота искусства чистодеревщиков или гончаров. Например, описывая срубленные избы, встречающиеся в верховьях Катуня, писатель показывает, как своим мастерством народный умелец может подарить деревянному дому своеобразную внешность: *Теперь так не строят. Кровля на самцах уступила место кровле на стропилах. Не рубят сейчас и углов с повалами, что придавало **силуэту** русского деревянного дома **особенную стройность и плавность*** [3, с. 34].

В главе «Танцующая глина» А.М. Родионов с потрясающей художественной точностью показывает исконную красоту гончарного искусства, символично сравнивая движения «танцующей» в руках мастера глины с самым, пожалуй, прекрасным и неповторимым образом в мире природы человеческого сознания – с грацией танцующей женщины: ***Глина при этом походила на танцующую женщину. Старик заставлял ее тянуться кверху, приседать, как бы прикрывать пространство вокруг себя широким вихревым подолом – плечи ее были то почти прямоугольны, то стекали к туловищу плавно, постепенно, как будто танцовщица во всем разнообразии движений искала тот единственный свой силуэт, когда она неповторимо красива*** [3, с. 208].

Нельзя не отметить, что в произведениях А.М. Родионова инструмент мастера зачастую предстает перед глазами читателя в образе верного, а, значит, и послушного соратника своего владельца: *Граненые столбики поддерживают навес над ступенями крыльца. Стараясь избежать геометрической сухости линий, плотник усложнил форму столбиков. Прямая линия ребра, едва отступив от крыши через небольшой выступ переходит в плавный изгиб «дыньки», сработанный **послушным топором*** [3, с. 52].

В главе «Незатихающий звук», рассказывающей о кузнецах, А.М. Родионов описывая такое явление как дымник, следующим образом характеризует инструмент мастера: *Дымник – явление, конечно же, не совсем кузнечное. Здесь листовым металлом распорядился жестяник, орудуя*

ножницами, зубилом, пробойником и молотком. Это особая жизнь тонкого железа, когда оно из плоского листа, по которому **погуляла послушная руке жестящика стальная чертилка**, превращается в замысловатую объемную фигуру, укрепленную на самой верхней точке дома – над трубой [3, с. 132].

Следует подчеркнуть, что в книгах А.М. Родионова если инструмент и выступает в роли покорного слуги для мастера, то материал, с которым тот работает, обладает своим особым, не всегда покладистым характером. Так, в главе «Дать камню лицо...», воспевающей камнерезное искусство, писатель приводит фрагмент беседы с одним из колыванских камнерезов, который следующим образом характеризует материал, из которого он делает вазы: *Не тот материал яшма, чтобы взял да зажал. Хрупкая, капризная. С ней только аккуратностью можно чего-то добиться. Это еще Филипп Стрижков уловил* [3, с. 268].

Самым продуктивным диалогом мастера с деревом или глиной, изначально является мастерская, где еще его предки на ошибках и удачах учились общаться с тем или иным материалом. Например, характеризуя мастера Николая Горшенина, А.М. Родионов пишет: *Горшенину сорок два года. А свой первый дом он срубил в тайге под Новокузнецком в неполных пятнадцать лет. Стало быть, с деревом беседует сызмальства и все его причуды и прихоти изучал не где-то в академических классах, а в столярке* [3, с. 106-107].

И не всегда диалог мастера с деревом, железом или камнем, был мирным, задушевым: *Властно разговаривая с металлом, русские кузнецы на Алтае из века в век делали свое дело, может быть, вовсе не озадачивались – а что же уцелеет из того, что они отковали, что сохраниться через много лет после их смерти* [3, с. 136-137].

Итак, у каждого материала свой характер, но как показывает писатель, настоящему мастеру в итоге удастся, что называется, подобрать ключик к его душе. В главе о гончарном искусстве, автором упоминается особый вид глиняной посуды в Горной Колывани – «колыванки»: *Где брали свое сырье*

*колыванские гончары, я так и не узнал. Спросить уже не у кого. Забылось ремесло. Но, видать, **хорошо ладили с глиной колыванцы**, если даже слово такое пошло в язык – «колыванка» [3, с.189].*

Особое значение при «очеловечивании» материала или инструмента А.М. Родионов придает голосу инструмента, который, как правило, показывает его настроение во время работы: *Под **пение лобзика** рождалась и узорчатая каемка карниза, и **взетали к шпильям сказочные птицы*** [3, с. 50].

Умение слышать голос материала свидетельствовало, как правило, о высоком мастерстве ремесленника. Вот так, например, говорит писатель о знаменитом резчике Алексее Степановиче Пяткове: *Оказавшись приемным сыном, Алексей сразу почувствовал на себе благую ладонь новых родителей – его хотели видеть церковным служителем. Но подросток уже знал, как **взвивается над рубанком шелестящая спираль стружки, как **неодинаково перешептываются с лезвием стамески сосна и кедр***** [3, с.80].

Изделия мастеров, словно обладая голосом, могут в свою очередь рассказать о стремлениях умельцев, способствуя тем самым их диалогу с последующими поколениями, которые, возможно, увидят их творения: *Навершие наличника и боковые колонки говорили о другом – о стремлении резчика **переплавить, переосмыслить кем-то уже созданное и тем самым как бы произнести: вот, что я считаю красивым. В незаконченности резьбы сквозило нетерпение поделиться с окружающими и своим пониманием орнамента, и своим умением*** [3, с.97].

Такой диалог важен даже не сточки зрения отражения каких-то характерных деталей при создании таких произведений, а, прежде всего, с позиции необходимости передать последующим поколениям прежнюю атмосферу радости и красоты труда народных мастеров: *Давно выветрился из этих узоров религиозный, оберегающий смысл, но и **полотенце, и ставень, и деталь кованой ограды своим присутствием вот здесь, рядом, говорили о том, что из всех существующих религий неистребима одна – религия мастерства*** [3, с. 256].

На примере анализа фрагментов ремесленного дискурса в «Красной книге ремесел», можно с уверенностью сказать, что произведениях, посвященных исследованию народных ремесел А.М. Родионову, помимо значительного историко-этнографического вклада в этой области, удалось создать свой собственный **родионовский** текст узнаваемого ремесленного дискурса в российской литературе, и в литературе Алтая, в частности.

Перу писателя А.М. Родионова принадлежат и прозаические художественные произведения. В 2006-2007 годах писателем был завершен исторический роман в 2-х томах «Князь-раб», повествующий о судьбе первого губернатора Сибири – Матвея Гагарина. И думается, что те, кто был знаком с его книгами об истории и культуре на Алтае, сразу узнали здесь его удивительный, самобытный и красивый слог: *Чево стряслось? - вздернул недовольную бровь Матвей Петрович. - Боюсь, Матвей Петрович, и сказать. То и стряслось, чего более всего боялась. - Да ты толком можешь сказать? Боюсь-боюсь! Каво?- заорал муж. - Ты ведь до се не поговорил с Алешенькой. Тебе все не день, не время. Погоди, утишься. И я упросила его, чтоб он сам с тобой насчет свадьбы.... - Тьфу ты! Нашла о чем. Все давно сговорено, и по рукам мы уже с Петром Палычем. Всему Петербургу ведомо. - Ой, не все. Ты знаешь, какой вчера норов сын выказал? - Ну. Чево выказал? - Не желаю, говорит, матушка, жениться на шафировской дочке, потому как она не дворянского рода. - Это кто ему в уши такое напскудил? - Да, уж нашлись. И по Петербургу, видно, слух пущен [1, с. 90-91].*

Драматичным слогом искусно А.М. Родионов показывает трагедию князя М.П. Гагарина, описывая его казнь: *В этом момент снова вспороли всеобщее оцепенение барабаны, и палач набросил на голову князя мешок. Гагарин во тьме почувствовал, как обняла его петля. Он еще пытался ловить сквозь ткань крохи белого света, но в этот момент палач выбил из-под ног приготовленную подставку, и за миг до того, как закипит в нем без воздуха кровь, ринулась на Гагарина желтым роем мельтешащая золотистая пыль, пронзающая тело и сознание [2, с. 420].*

Созвучные фатальные ноты слышны и в публицистике писателя, который описывает свои победы и поражения в борьбе с чиновниками за сохранение культурного наследия Алтайского края: *Не все мои стрелы долетали до цели. А если и долетали, то отскакивали о стальных латах советских чиновников. Предупреждал четверть века назад - уникальные сооружения Юрию Кондратюка на Алтае в опасности! Где они теперь? На дрова растащили....На месте «мастодонта», а это было огромное зернохранилище, в Камне-на-Оби пепелище, и уж какой год крапива властвует. Где дом архитектора Носовича? Разобрали на курятник. И вместо памятника деревянного зодчества слепили жалкий новодел, далекий от оригинала. Были и удачи на тропе забот: отстаивал в печати поруганный Никольский полковой храм, и теперь в нем звучит живая православная молитва* [5, с. 7].

И все-таки в заключении хочется еще раз сказать об удивительной художественной гармонии слога А.М. Родионова, в котором угадывается только ему свойственная уникальная стилистика: *На Алтае Г.Гребеничиков не успел полноценно, полноцветно, полнословно раскрыться. Он увез в Америку золотой душевный улей чувства и мысли. И там, в чужой стране, это превратилось в прозу медовой естественности и неподдельности - это эпопея «Чураевы». Опытные пчеловоды рассказывают: когда переливают мед из медогонки в иные сосуды, **мед поет!** Слово Георгия Гребеничикова, переливаясь из сказания в сказание, - тоже поет! Вслушайтесь: «...Руки размахнулись вправо, и коса умело уложила наземь широкую ленту скошенной травы с веселыми, еще не успевшими заметить свою смерть, цветами»* [5, с. 203].

Низкий поклон и бесконечная благодарность Вам, дорогой Александр Михайлович, за Ваш труд, душевное тепло и Красоту языка, которую Вы нам подарили.

Литература

1. Родионов А.М. Князь-раб. Исторический роман. В 2 т. Т.1. Азь гръшный / А.М. Родионов. – Новосибирск: ИД «Сова», 2007. – 536 с.
2. Родионов А.М. Князь-раб. Исторический роман. В 2 т. Т.2. Князь-раб / А.М. Родионов. – Новосибирск: ИД «Сова», 2007. – 428 с.
3. Родионов, А.М. Красная книга ремесел: Заметки о чистодеревщиках, кузнецах гончарах ткачах вышивальщиках колыванских камнерезах / А.М. Родионов. – Барнаул, 1990. – 320 с.
4. Родионов А.М. Краснотал. Стихи. Барнаул, Алт. Кн.изд., 1977. – 80 с.
5. Родионов А.М. Одинокое дело мое... Мгновенья лет мимолетящих: Статьи, заметки, очерки / А.М. Родионов. – Барнаул: Алтайский дом печати, 2001. – 615 с.